

УДК 81'373.23+81'374

DOI: 10.17223/22274200/18/3

М.А. Лаппо, Н.И. Малиновская

ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ БАЗЫ ДАННЫХ УЗУАЛЬНЫХ И НЕУЗУАЛЬНЫХ ФЕМИНИТИВОВ

Анализируется специфика лексикографической интерпретации группы слов со значением женскости в динамическом и семантико-прагматическом аспектах. Определяется необходимость создания корпуса узуальных и неузуальных феминитивов как словаря активного типа. Описываются такие параметры лексикографического закрепления данной группы слов, как фиксация в традиционных словарях, денотативная и коннотативные зоны в структуре лексического значения, сфера функционирования, наличие синонимов и вариантов.

Ключевые слова: *лексикография, база данных, словарь активного типа, феминитив, гендерная лингвистика, язык и речь, прагматика, семантика.*

В настоящем исследовании анализируется опыт составления словарей нового типа – электронных лексикографических баз данных на примере корпуса узуальных и неузуальных феминитивов в речи носителей современного русского языка. Данная база является расширением «Базы данных прагматически маркированной лексики» [1] и уточнением некоторых ее параметров относительно соответствующего тематического фрагмента словаря. Теоретической основой нашей работы является представление об интегральном характере лексического значения (Г.Н. Складарская) [2]. Выбор электронной формы фиксации словарных сведений определяется и задачами создания словарей активного типа, и высоким уровнем подвижности феминитивов в русскоязычном художественном, публицистическом и разговорном дискурсе, а сама база может послужить моделью для разработки других участков языковой системы.

Электронные лексикографические базы данных – это одновременно и новая среда существования словаря, и разновидность словаря активного типа, в задачи которого входит, по мнению Ю.Д. Апресяна, помещение «в полном и упорядоченном виде» информации о слове, динамике его лексических значений, грамматике и прагматике употребления, его «лексическом мире», т.е. синонимах, антонимах, вариантах и т.п. [3. С. 6–7]. Принципы электронной базы как словаря ак-

тивного типа, структура словарной статьи и система помет были описаны Е.Г. Басалаевой [4], Е.Ю. Булыгиной и Т.А. Трипольской [5]. Ориентиром для лексикографического описания могут послужить феминитивы со значением отношения к сфере деятельности (*командирша, училка*), так и другие близкие к ним лексемы – эмотивы, слова общего рода (например, *неженка, цаца*), представленные в базе данных «Прагматически маркированная лексика русского языка». Ключевым принципом указанной базы является синтез традиций отечественной лексикографии (четкое зональное деление словарной статьи) и развернутой фиксации таких прагматических зон лексического значения, как эмоциональная оценка, идеологический, гендерный, возрастной, социально-статусный, национально-культурный компоненты. Феминитивы в традиционном понимании – это те лексемы, гендерный компонент которых относится к денотативному макрокомпоненту лексического значения.

В нашей работе также учитывался опыт создания и анализа других словарных баз данных: базы метафорической терминологии Н.А. Мишанкиной и Ж.А. Рожновой, делающих акцент на функциональном моделировании языка [6]; словарно-стилистической характеристики в базе данных Е.В. Пурицкой и Д.И. Панкова, моделирующих «справочный отдел» стилистических помет [7]; базы данных отрицательно-оценочной лексики К.С. Кочергиной, также видящей решение проблемы разнородности систем стилистических помет в создании специализированной базы данных [8].

Поиск параметров рассматриваемой базы данных обусловлен необходимостью фиксации подвижной и зависимой от контекста прагматической зоны, осмыслением специфики функционирования отдельных групп лексики русского языка. В последние годы русисты неоднократно отмечали всплеск инновационной деятельности в области наименований лиц женского пола, что связывали с активизацией феминистского движения в России [9–11]. На материале инноваций и их широкого обсуждения в СМИ, блогосфере, разговорной речи предоставляется редкая возможность непосредственного наблюдения над столкновением языка и речи как неразрывных сущностей одного феномена (обзор современных теорий о соотношении категорий языка, речи, речевой деятельности см. в работе А.А. Залевской [12]). Становится очевидным, что именно экстралингвистические факторы являются важнейшими в динамических процессах языка: если бы

действовала только логика самого языка (закон экономии, к примеру), то, наоборот, в нем не появлялись бы новые единицы. Возникшие многочисленные дискуссии также иллюстрируют одну из популярных теорий происхождения языка – теорию социального договора. Сторонники новоявленных феминитивов призывают не только пользоваться ими, но и генерировать в своей речи, игнорируя их негативные коннотации или кажущуюся нелепость; сторонники консервативной точки зрения призывают не пользоваться феминитивами, в том числе и традиционными, обращая внимание на семантическую особенность слов мужского рода (они называют лицо по отношению к виду деятельности, а не полу¹) и привлекая, в частности, авторитет М. Цветаевой и А. Ахматовой, не признававших номинацию *поэтесса* по отношению к себе.

На наш взгляд, в отношении тематической группы феминитивов, обозначающих сферу деятельности лица женского пола, следует описать такие параметры лексикографического закрепления, как факт фиксации в традиционных словарях, наличие лексико-семантических вариантов у лексемы (моно- или полисемант), структуру лексического значения (денотативная и коннотативные зоны), маркеры актуализации коннотативных компонентов, например элементы контекста, оценочный «шлейф» суффикса, используемый при словообразовании, и (или) способы их нейтрализации, стилистические сферы функционирования единицы, наличие синонимов, словообразовательных и других вариантов. Поиск в базе данных может осуществляться по любому из указанных параметров. Поясним указанные параметры.

1. Фиксация в традиционных толковых словарях. Факт присутствия лексемы в толковом словаре русского языка означает ее закрепленный характер в узусе. Помимо этой очевидной констатации обращение к словарям демонстрирует как отечественные лексикографические традиции, так и особенности семантики феминитивов и их лингвистической интерпретации.

В.В. Виноградов указывал, что «в чисто русских словах, являющихся названиями лиц, т.е. людей, формой мужского рода подчеркивается не столько идея пола, сколько общее представление о лице,

¹ С исторической точки зрения, это также приписанное свойство семантики, поскольку изначально названия практически всех профессий были мужскими, женских вариантов не существовало, так как обычай не позволял женщине заниматься мужскими делами.

отнесение к классу или разряду людей, обозначение социальной роли человека. <...> в категории мужского рода **ярче** (выделено нами. – М.Л., Н.М.) выражена идея пола, чем лица» [13. С. 62]. Аналогично в «Русской грамматике» 1980 г. отмечается, что «слова мужского рода **прежде всего** (выделено нами. – М.Л., Н.М.) заключают в себе общее понятие о человеке, обозначают его социальную или профессиональную принадлежность независимо от пола» [14. С. 465]. Иначе говоря, идея пола в данных словах также есть, однако она выражена не столь значительно, сколько идея лица, в отличие от слов женского рода. Развивая эту мысль, можно сказать, что в словах разных тематических групп отмечается различное соотношение семантики лица и пола. Так, в наименованиях лиц по национальности в русском языке гораздо ярче проявляется сема 'пол', в связи с чем не встает вопрос, как называть женщину – *русской* или *русским*, *татаркой* или *татарин*ом, *буряткой* или *бурят*ом, поскольку возможны лишь первые варианты, что закреплено лексикографической традицией. В «Словаре современного литературного языка» под редакцией В.И. Чернышёва [15] даются все три лексемы как самостоятельные единицы языка: слово со значением мужского пола по национальному признаку (*армянин*, *китаец*, *турок*), слово со значением женского пола по национальному признаку (*армянка*, *китаянка*, *турчанка*), общее наименование национальности (*армяне*, *китайцы*, *турки*). Подробнее об этом см. в статье [16].

Лексикографические исследования показывают, что традиционные толковые словари также непоследовательно отражали наименования лиц женского пола в целом или отдельные компоненты их лексических значений. Так, О.П. Ермакова отмечает, что значение 'вдова/дочь того, кто назван производящей основой' у слов типа *генеральша*, *капитанша*, *дворничиха*, *рыбачка*, *морячка*, *докторша*, хотя оно и регулярно встречается в разговорной и художественной речи, в словарях практически не дается. Лишь слово *офицерша* дается в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова в значении 'жена или вдова офицера', а слово *мельничиха* в Большом и Малом академических словарях – как 'жена или дочь мельника' [17. С. 78]. В статье В.А. Ефремова предпринимается анализ номинаций лиц мужского пола и их эквивалентов женского рода, зафиксированных в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Исследование выявило «ряд устойчивых гендерных стереотипов и гендерных асимметрий, обусловленных патриархатной структурой

русского общества и андроцентричностью общественного сознания» [18. С. 45]. Единственное послабление, как пишет В.А. Ефремов, «представляют номинации творческих профессий, для которых Даль фиксирует номинации обоих родов: *актер* и *актриса*, *художник* и *художница*, *писатель* и *писательница*» [Там же. С. 44].

Наблюдения над современными лексикографическими источниками дают схожие результаты. В поле нашего внимания попали толковые словари русского языка, наиболее востребованные в современных лингвистических исследованиях [19–23]. В целом сохраняется тенденция либо игнорирования, либо фиксации лексемы со значением лица женского пола не как самостоятельной словарной единицы, а как деривата существительного мужского рода, например:

Читатель, -я; м. 1. Тот, кто читает, кто занят чтением каких-л. произведений, к кому обращены произведения письменности. 2. Посетитель общественной библиотеки, читальни. < *Читательница*, -ы; ж. (БТСРЯ).

Наиболее последовательно отражает подобные единицы «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова. Так, самостоятельными словарными статьями снабжены лексемы *аббатиса*, *акушерка*, *аптекариша*, *буфетчица*, *директриса*, *докторша*, *поэтесса* и др. В то же время многозначное слово *машинистка*, зафиксированное в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и «Современном толковом словаре русского языка» Т.В. Ефремовой в виде отдельной статьи, в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова получает только опосредованную интерпретацию (через слово *машинист*). Если допустить логику отбора лексем для самостоятельной фиксации (частотные и стилистически окрашенные), остается неясным, почему БТСРЯ фиксирует нейтральное и редкое для русского языка слово *аббатиса*:

Аббатиса, -ы; ж. [лат. abbatisa]. В католической церкви: настоятельница женского монастыря.

В статусе дериватов в указанных словарях даны слова *актриса*, *диссидентка*, *журналистка*, *монахиня*, *поэтесса*, *ученица*, *учительница*, *художница*, например:

Актёр, -а; м. [фр. acteur]. 1. Профессиональный исполнитель ролей в театре и кино. < *Актриса*, -ы; ж. *Актёрка*, -и; мн. род. -рок, дат. -ркам (БТСРЯ).

Актёр, -а, м. 1. Исполнитель ролей в театре и кино. || ж. *актриса*, -ы (ТСОШ).

Слово *директриса* выделено всеми рассматриваемыми словарями, например:

Директрѣса I ж. разг. Женщина директор (НСРЯ).

Директрѣса, -ы; *жс.* [франц. *directrice*] 1. Разг. к Директор. 2. В России до 1917 г.: начальница женского учебного заведения (БТСРЯ).

Директрѣса, -ы, ж. Начальница женского учебного заведения в дореволюционной России и женщина-директор (разг.) (ТСОШ).

Директрѣса, -ы, ж. 1. Начальница женского учебного заведения в дореволюционной России. 2. Разг. Женск. к директор [Франц. *directrice*] (МАС).

Неоднозначна стилистическая интерпретация лексемы *врачиха*:

Врачѣха ж. *разг.-сниж.* Женщина-врач (НСРЯ).

Врач, -а; *м.* Специалист с высшим медицинским образованием, занимающийся лечебно-профилактической деятельностью. < Врачиха, -и; *жс.* **Разг.** (БТСРЯ).

Врачѣха, -и, ж. **Прост.** Женщина-врач (МАС).

И, наконец, неоднозначна грамматическая интерпретация лексемы *фото модель*:

Фотомодѣль, -и; *м. и жс.* Натурщица (натурщик), позирующая (позирующий) фотографу (БТСРЯ).

Фотомодѣль, -и, *жс.* **Натурщица**, **позирующая фотографу**. **Мужчина-фотомодель** (ТСОШ).

Указанный разницей в интерпретации денотативного и прагматического макрокомпонента значений как традиционных, так и новых слов могла бы решить электронная база.

2. Способ образования, словообразовательные варианты и (или) синонимы. Интерес к данному параметру лингвистического описания обусловлен всплеском множественной словообразовательной активности в рамках указанной тематической группы слов, что, во-первых, ставит вопрос об узуальном или окказиональном статусе вариантов, а во-вторых, их стилистической и эмотивно-оценочной характеристике.

Было выявлено, что окказиональное словопроизводство коснулось преимущественно тематической группы слов, обозначающих вид деятельности: слова *философиня*, *авторка*, *министресса*, *докторка*, *лингвистка* встают в один ряд с традиционными лексемами *учительница*, *студентка*, *поэтесса*, *директорша*, *врачиха*. Среди способов образования коррелятов описаны словообразовательные – суффик-

сальные (*блогерка*) или сложные (*девочки-дипломаты*) дериваты; в статье В.К. Солтыс приводятся примеры одного графического способа актуализации пола, гендергэпа, т.е. нижнего подчеркивания, отделяющего часть слова с грамматическими показателями рода от основной: *необходимость быть силь ной, долж на сделать* и т.п. [10. С. 132].

Следует отметить также, что языковая асимметрия (лакуны, непоследовательность в употреблении феминитивов, стилистическая разношерстность) в целом противоречит языковой интуиции носителей языка. Если за фактами детской речи признать, вслед за С.Н. Цейтлин [24], проявление внутриязыковой логики, то придется признать и логичность, естественность фиксируемого сейчас наплыва нелепых и неблагозвучных феминитивов. Наблюдение за речью детей демонстрирует активный процесс создания и использования наименований для указания пола человека и животного. Так, в «Объяснительном словаре детских инноваций» Т.А. Гридиной [25] нами было найдено около 50 окказиональных употреблений, свидетельствующих о стремлении детей заполнить лакуны как в своем лексическом запасе, так и, возможно, языковом. Все детские инновации данной тематической направленности можно разделить на несколько групп:

1) прямое словообразование с неузуальными суффиксами (*попиха, продавица, волчиха, врачительница, колдуниха, клоуниха, хомячка, хохочиха*);

2) прямое словообразование в случае отсутствия деривата-феминитива (*шоферка, охранистка, президентка, псица, водителка, глухарка, жучка, бараниха, баранка, конька, снегирка, снеговиха*);

3) прямое словообразование в случае отсутствия исходной базы – существительного мужского рода (*сварищица супов, укольщица, университетница*);

4) обратное словообразование, в данном случае образование слов со значением ‘человек мужского пола или самец’ (*пантер, подруг, свинец, гиен, жадин, овец, грязнуль, солнц, сонь*);

5) суффиксальное образование слов со значением ‘человек мужского пола или самец как пары для слова женского рода’ (*курек, лошатец*);

6) различные приемы семантических инноваций (например, использование слова *школьница* в значении ‘лицо женского пола, работающее в школе’).

Мы видим, что дети используют самые разнообразные способы ликвидации речевой или узуальной асимметрии. Данная стратегия

демонстрирует идею о том, что детские инновации практически всегда правильнее «взрослой речи», если под правильностью, как пишет С.Н. Цейтлин, «понимать соответствие глубинным законам языка», поскольку «ребенок не виноват, что в языке не соблюдается строгая логика» [24. С. 15].

Другим случаем речевых колебаний и непоследовательности, отмечаемых в русистике, является использование слов разных словообразовательных типов для обозначения лица женского пола по сфере деятельности [9, 10]. Наибольшей вариативности в современном дискурсе подверглись корреляты женского пола *доктора, врача, блогера*: *докторша – докторица – докторка – докторесса – докториня* и др.; *врачиха – врачиха – врачесса – врачиха – врачевка – врач* (последний вариант образован по закрепленной грамматико-орфографической аналогии *туш – тушь*); *блогерка – блогериша – блогересса – блогиня – блогеркиня – блогерища*. Длина ряда в 5 или 6 дублетов свидетельствует об актуальности именно этих профессий: о поиске авторами хороших врачей определенного пола, о стремительном вхождении блогерства в практику коммуникации. Сами же колебания, наличие в речи разных словообразовательных вариантов свидетельствуют о неудовлетворенности говорящих существующими узуальными или неузуальными вариантами, о считываемости у них оценочных коннотаций, о поиске лучшего слова. Данное явление можно отнести к случаям, названным М.В. Ляпон «блужданием» вокруг денотата в поисках адекватной формы [26. С. 24].

Очевидно, что одним из популярных претендентов на эту роль оказываются дериваты с суффиксом -К-. Так, в выборке из 433 слов в базе данных О.В. Золтнер, Д.С. Горностаевой феминитивы с суффиксом -К- составляют более 60% [9. С. 972]. Дериваты с этим суффиксом в речи либо регулярно вытесняют узуальные стилистически окрашенные лексемы – *докторка* (ср. *докторша*), *авторка* (ср. *авторша*), *организаторка* (*организаторша*), либо вводят соответствующие корреляты – *юристка, блогерка, эйблистка, психотерапевтка, фотографка*, либо даже заменяют нейтральные лексемы – *поэтка* (вместо *поэтесса*). Представляется, в данном случае пользователи языка ищут прежде всего нейтральный, стилистически не окрашенный вариант, не отягощенный оценочной «памятью» суффикса. Так, в русском языке уже имеется серия нейтральных лексем с суффиксом -К- (*журналистка, студентка, магистрантка, докторантка*), что может объяснять его популярность в инновационной деятельности.

3. Структура семемы. Большинство современных инноваций-феминитивов являются однозначными. Номинация женщины относится к ее профессии, специальности (*докториня, психотерапевтка, психолингвистка*), роду занятий, интересов (*блогерка, геймерша*) или особенностей поведения (*сексистка*). Но, к примеру, не закреплённая в узусе лексема *фантастка* представляет собой полисемант, обозначая как 'писательницу, разрабатывающую в своих произведениях фантастические сюжеты', и как и 'жену писателя-фантаста'. См. контекст, актуализирующий второй лексико-семантический вариант:

*А вот писательницы-фантасты именно из-за профессионального сленга вынуждены отказаться от того, чтобы называться **фантастками**: в литературной тусовке девяностых слово приклеилось к жёнам фантастов* (из речи блогера).

4. Структура лексического значения. Как узуальные, так и окказиональные употребления феминитивов в речи взрослых носителей языка отражают тонкую и подвижную материю прагматического компонента значения. Эти скрытые компоненты выявляются в ходе дискурсивного анализа. Особое внимание здесь стоит уделить маркерам актуализации коннотативных компонентов и способам их нейтрализации. См., например, следующий фрагмент интервью:

*Я Настя, мне 27 лет, много лет проработала **журналистом**, а сейчас я **пресс-секретарь** антикоррупционного центра «Transparency International Россия». <...> Моя страница про гендер начиналась как кладовка для ссылок. Периодически я туда пишу сама, и, кроме этого, у нас получилась прикольная коллаборация с сайтом TheQuestion. У них много гендерных тем на сайте, и теперь я там **куратор**, поэтому часто приглашаю туда своих знакомых, друзей или **подписчиц**, чтобы люди получили наиболее грамотные ответы. <...> Мне бы хотелось делегировать часть работы по ведению Facebook-страницы, найти ещё одну **модераторку**, чтобы обновлять контент системно [27].*

Мы видим, что интервьюируемая в речи о себе избегает номинаций женского рода. И если *пресс-секретарша, кураторка* как неuzuальные существительные могут вызывать нежелательные ассоциации, то лексема *журналистка* является нормативной, традиционной и стилистически нейтральной. Говоря же о других, автор легко применяет и нейтральное традиционное *подписчицы*, и неuzuальное *модераторка*. Объяснение подобной дифференциации (речь о себе или речь о других) видится нам в том, что говорящий не считает нужным использовать номинации жен-

ского рода как дублирующие сему женскости (пол был обозначен фразой *я Настя*). Номинации *подписчицы* и *модераторка* в данном случае экономят языковые усилия, потому что одновременно обозначают и сферу деятельности, и пол описываемого лица (говорящий ищет *модератора женского пола*). Анализируемый фрагмент является и примером утверждения О.В. Золтнер, Д.С. Горностаевой того, что «стилистическая окраска (*феминитивов*. – М.Л., Н.М.) именно в феминистском дискурсе является нейтральной» [9. С. 974]. Таким образом, то, что часто описывается как колебания, непоследовательность в выборе феминитивов, здесь, наоборот, отражает строгую логику экономии речевых усилий.

5. Сфера функционирования. Сферой функционирования данных слов являются средства массовой информации, сетевая коммуникация, популярные интернет-ресурсы (см., например, онлайн-ресурс «Феминизатор – генератор феминитивов» [28]) или детская речь. В журналистских материалах также можно отметить интерес к так называемым феминитивам (или феминативам): увеличилось как количество слов, образованных по соответствующим словообразовательным моделям в речи авторов, так и количество журналистских материалов научно-популярного характера, анализирующих этот феномен. Лингвистические комментарии ученых в них часто имеют сдержанно-скептический тон: «*Авторка* звучит смешно. <...> Может быть, лучше дать языку развиваться самому, потому что в каком-то смысле он мудрее нас и всё равно будет отражать то состояние мира, в котором мы находимся. Собственно говоря, это-то и есть самое интересное!» [29]; «В любом случае язык эволюционирует. Что-то, безусловно, из новомодных феминитивов останется, но абсолютно точно, что далеко-далеко не все из того, что предлагают феминистки. Ибо никто и не будет специально заучивать вторые и третьи формы названий профессий, если уже и без того есть “профессор” или “адвокат”. Язык так же ленив, как и люди» [30]; «Обсуждение проблемы феминативов в том виде, в каком оно представлено в СМИ, – это погружение в бессмысленные диспуты. <...> Мне как лингвисту (не лингвистке!), изучающему историю русского языка, явление видится малоинтересным, так как за ним пока что стоят не действительные изменения в языке, а отдельные факты речи» [31].

В современной художественной литературе отражаются указанные выше семантико-прагматические тенденции. Окациональ-

ные/потенциальные лексемы, как правило, передают ироничное, насмешливое отношение к персонажу, если не сопровождаются особым комментарием. См. фрагмент романа Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» (2016 г.):

Педагогиня призывала учеников к тишине и предупреждала, чтобы все приготовились, потому что выходить через остановку, еще она окликала особо буйных, беспокоясь, что особо буйные уже вышли где-нибудь не там, где она планировала. За время поездки шальные дети успели уже вычудить несколько номеров: единожды школьник успел сказать «жопа» на весь вагон, и, как бы ни ругалась педагогиня, остальные дети одобрительно улыбались; успел один из школьников уже предложить своим одноклассницам выйти к вертикальному поручню и воспользоваться им как шестом для стриптиза, на что педагогиня заметила, что школьник уже повторяется в своих шутках [32].

В данном фрагменте выбор слова педагогиня, трижды использованного в рамках одного абзаца, не случаен. Лексема *педагогиня*, сохраняющая в своем значении «шлейф суффикса» -ИН(я) (ср. *богиня, княгиня*), передает невозмутимое отношение учительницы к аномальному поведению ее учеников в общественном транспорте. Диссонанс поддерживается сочетанием данного слова с глаголом *заметила*, т.е. всего лишь «сделала какое-л. наблюдение; подметила» (по МАС).

Рассмотрим модель словарной статьи в базе данных феминитивов на примере статьи *ПОЭТКА*.

1. Фиксация в традиционных толковых словарях. Лексема является узуальной, отмечена в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова: **Поэтка** [по], -и, ж. (разг. редк.). То же, что поэтесса. *Я не люблю восторженных девиц... иная же – помилуй бог – поэтка.* Тургенев (ТСУ).

2. Способ образования, словообразовательные варианты и (или) синонимы.

Способ образования: прямое словообразование, суффиксальный способ, лексема *поэтка* образована от основы слова *поэт* при помощи суффикса -К-, имеющим словообразовательное значение ‘лицо женского пола, женский коррелят того, кто назван в производящей основе’; суффикс стилистически нейтральный (ср. слова *студентка* и под.). С точки зрения истории русского языка, является так называемым неодезиватом (словом, которое воспринимается современными

носителями языка как недавно созданное, но таким не является); отдельные носители русского языка считают его заимствованным из польского¹.

Словообразовательные варианты и (или) синонимы: *поэтесса, женщина-поэт, поэт, поетка*.

3. Структура семемы. Лексема *поетка* в русском языке имеет один лексико-семантический вариант: ‘поэтесса, лицо женского пола, создающая поэтические произведения’.

4. Структура лексического значения. Денотативная зона значения может быть расширена в контексте за счет вариативной семы ‘плохой, слабый поэт’. Прагматический макрокомпонент включает в себя различные идеологические и эмотивно-оценочные микрокомпоненты. К идеологическим компонентам относятся ‘искусственно созданное, новое слово, следовательно, обозначает нечто несуществующее’, ‘говорящий так выражает принадлежность к феминисткам’, ‘польское слово’ (польская поэтесса, поэтесса по-польски)’:

Я одинаково хорошо отношусь к словам «поэтесса» или «поэт» и плохо – к «поетка». Мне не нравится создание искусственных феминитивов, потому что здесь работает некое магическое мышление, не делающее различий между означающим и означаемым, между грамматической категорией рода и биологической категорией пола (Егения Риц, из интервью); Мне важно использовать феминитивы, потому что феминитивы делают женщин видимыми на уровне языка. Я называю себя поэтессой, мне нравится и слово «поетка», но у «поетки» в некотором смысле чистая политическая история и коннотации, а слово «поэтесса» часто используется с пренебрежительным оттенком (Оксана Васякина, из интервью); На «поетку» обижаюсь в большей степени, чем на «поэтессу» – если дело происходит не в Польше. Даже не столько обижаюсь: «поэтесса» поднимает строго женские проблемы, я же «игрушка развивающая» и ровно поэтому чувствую себя вне гендерной профессиональной номинации (Дарья Суховой, из интервью).

¹ Действительно, польские толковые словари отмечают лексему *poetka*: «женская форма от *poeta* в 1 зн.» [33]. В то же время следует иметь в виду, что между этими лексическими единицами имеются существенные семантические различия. О методике установления культурной специфичности заимствований из польского языка см. статью Д.О. Добровольского и А.А. Уразбековой [34].

Спектр эмоциональных оценок довольно широк – от одобрительной до уничижительной, а именно:

– одобрительно: *Я предпочитаю называть себя поэтессой, симпатично мне и слово «поэтка». Считаю использование и создание феминитивов важной практикой, необходимой для повышения видимости и статуса женщин в профессиональной сфере* (Лиза Неклесса, из интервью); *На мой взгляд, женщины могут осознавать себя как ценность и отказываться от мужской точки зрения на самих себя, которую невольно используют в своем творчестве. И да, конечно, мне гораздо больше по душе обозначения «поэтесса» и «поэтка», чем «поэт»* (Анна Голубкова, из интервью); *Когда-то у тебя спросили, как тебя лучше называть – «поэтом» или «поэтессой», и ты ответила, что тебе больше подходит польское слово «поэтка»* (Петр Мицнер, из радиопередачи);

– с недоумением, удивлением: *Мне не близко использование феминитивов, потому что я не понимаю необходимости заострения гендерной принадлежности, когда речь идет о творческих и профессиональных идентификациях* (Алла Горбунова, из интервью);

– насмешливо, иронично: *Когда меня в 7 классе школьные гопники дразнили «поэтка», это было менее обидно, чем ехидное шипение «поэтесса» со стороны одноклассниц. Мы же с подружкой предпочитали друг друга гордо именовать «поэт» и «композитор»* (Наталья Романова, из интервью); *Воспоминанья – осенняя ветка... Пожелтые листья так жутко шуршат... Ах, разве я женщина? Я только поэтка, Как меня назвал Ваш насмешливый брат* (Н.Г. Львова. Почему я со страхом жду от Вас признания... (1913) [35];

– неодобрительно: *Я предпочитаю называть поэтов обоего пола поэтами, но принимаю и любые самоназвания – «поэтесса», «поэтка» и «авторка», как теперь любят называть себя феминистки. И вообще как угодно. «Поэтесса» – французское слово, а можно было бы взять немецкое – «дихтерин». Мне самой безразлично, как называют меня. Мое предпочтение основано на том, что профессия, ремесло, призвание не имеют пола. Можно, конечно, сказать «архитекторка», «реставраторка», «композиторка», «математичка» (математикесса?), «физичка», «философиня», «прозаичка» – но это, все же и пока что, по крайней мере – насилие над языком. «Художница» и «писательница» прижились, но и в этом я не вижу*

смысла, поскольку мы имеем дело с произведениями, а не с лицами авторов (Татьяна Щербина, из интервью);

– уничижительно: Так вот, об одной «поэтке», как типичной представительнице множества «божьей избранности» – до такой степени, что, доросшая до себя, она уже не знает: куда и зачем идёт. <...> Её, которая «совсем наоборот», критикуют недоросшие. Поетка парирует – иногда с использованием обценной лексики (это, возможно, наследственное, что очевидно из её программного стихо (не -а на конце?), приведённого ниже). <...> А поэтка – с полусферами в декольте и оттопыренным мизинчиком (что свойственно, правда, московским купчикам, но не коренным петербуржцам, т. б. – поэтам) (Др Серёжа. Поэтки... Рассуждизмы и пароксизмы [36]).

Маркеры актуализации коннотативных компонентов и способы их нейтрализации. Лексема поэтка в речи нагружается самыми разнообразными эмотивно-оценочными смыслами, в связи с этим говорящий, как правило, считает необходимым пояснить свой выбор, отношение к этому слову (симпатично мне слово, по душе обозначения, предпочтение основано, больше подходит, не понимаю необходимости). Нейтральный контекст демонстрирует отсутствие дополнительных коннотаций или потенциальные позитивные смыслы (как в заголовке книги «Поэтка. Книга о памяти. Наталья Горбаневская»). Выражение негативных коннотаций сопровождается использованием эмотивно-оценочной лексики и высказываний, лексемами со значением негативной оценки и эмоции (насилие над языком, менее обидно, насмешливый, с полусферами в декольте и оттопыренным мизинчиком, множества «божьей избранности»). Особым средством выражения уничижительных смыслов является помещение рассматриваемой лексемы в контекст с нарочито искаженными фонетическими или грамматическими вариантами (стихо, поетка).

5. Сфера функционирования. Художественная речь, публицистика.

Подведем итоги. Группа слов со значением лица женского пола по отношению к виду деятельности характеризуется в современном русском языке активным развитием как за счет появления новых лексем и неодеривации, так и за счет динамических процессов в сфере их семантики. Носители языка при использовании феминитивов более свободно, чем при употреблении слов других тематических групп, нагружают их самыми разнообразными эмотивно-оценочными смыслами (от нейтральных или одобрительных до резко уничижительных,

приписывают полярные правила их применения (от «использовать обязательно» до «полностью отказаться»). Интерес лингвистов к особенностям функционирования данных слов связан как с традиционными и сложно разрешимыми вопросами теории языка (соотношение языка и речи, теории происхождения языка), так и с новейшими практическими потребностями (создание лексикографических баз данных).

Создание электронной базы данных узуальных и окказиональных феминитивов способно решить задачу фиксации прагматической зоны лексического значения слова, послужить образцом в лексикографическом закреплении слов других тематических групп, имеющих подвижные и полярные коннотации. При наполнении указанной базы следует применять уже используемые в «Базе данных прагматически маркированной лексики» параметры закрепления лексем: факт фиксации в традиционных толковых словарях, наличие лексико-семантических вариантов у лексемы, денотативная и прагматическая зоны значения, контексты, в которых эти смыслы реализуются, система прагматических помет. Помимо этого, в словарную статью необходимо включить параметры способа словообразования, словообразовательных вариантов и сферы их функционирования, поскольку феминитивы, так легко генерируемые в разговорной, публицистической речи, довольно часто сохраняют коннотации значений аффиксов, в отличие от фактов детской речи. Перспективами изучения лексикографирования феминитивов являются особенности отражения возрастного, социально-статусного, национально-культурного компонентов их значения.

Литература

1. *База данных прагматически маркированной лексики* / рук. проекта Т.А. Трипольская (дата обращения: 15.01.2020).
2. *Скляревская Г.Н.* К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? // *Лингвистическая прагматика в словаре*. СПб. : Ин-т лингвистических исследований РАН, 1997. С. 6–13.
3. *Апресян Ю.Д.* Об Активном словаре русского языка // *Активный словарь русского языка* / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 1. С. 5–36.
4. *Басалаева Е.Г.* Прагматический макрокомпонент и способы его семантизации в электронной базе данных // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2016. № 6. С. 112–125. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.09

5. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. База данных «Прагматически маркированная лексика русского языка»: материал, принципы описания, возможности использования // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6. С. 70–85. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.06

6. Мишанкина Н.А., Рожнева Ж.А. База данных русской метафорической терминологии: модель описания термина // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 34–43. DOI: 10.17223/15617793/441/5

7. Пурицкая Е.В., Панков Д.И. Нормативно-стилистическая характеристика лексики современного русского языка: возможности описания в словарной базе данных // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 23–43. DOI: 10.17223/22274200/13/2

8. Кочергина К.С. Лингвистическая база данных отрицательно-оценочной лексики: концепция, структура, наполнение // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 29–40. DOI: 10.17223/15617793/446/4

9. Золтнер О.В., Горностаева Д.С. Нейтрализация коннотаций феминитивов в современном феминистском дискурсе (на материале социальной сети «Инстаграм») // Молодёжь третьего тысячелетия : сб. науч. ст. / отв. ред. Т.Ф. Яшук. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2019. С. 970–975.

10. Солтыс В.К. Графические способы выражения гендерной принадлежности в русскоязычной блогосфере // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сб. ст. : в 2 т. / под общ. ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. М. : РУДН, 2019. Т. 2. С. 130–135.

11. Беркутова В.В. Феминативы в русском языке: лингвистический аспект // Филологический аспект. 2019. № 1 (45). С. 7–26.

12. Залевская А.А. Ф. де Соссюр и некоторые проблемы психолингвистики // Theoretical and practical problems of language tools transformation in the context of the accelerated development of public relations: Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the CXVIII International Research and Practice Conference and I stage of the Championship in Philology / chief editor V.V. Pavlov. London : IASHE, 2016. P. 44–46.

13. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / отв. ред. Г.А. Золотова. 4-е изд. М. : Рус. яз., 2001. 720 с.

14. Русская грамматика : в т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 788 с.

15. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.

16. Лаппо М.А. Структура прагматического макрокомпонента значения (на материале группы слов, обозначающих национальность) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6. С. 186–200. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.15

17. Ермакова О.П. Где затерялись вдова с дочерью? // Русская речь. 2019. № 6. С. 73–81. DOI: 10.31857/S013161170007626-7

18. Ефремов В.А. Словообразовательные гендерные асимметрии в словаре В.И. Даля // Лексикология. Лексикография и корпусная лингвистика : сб. науч. ст. Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. СПб. : Нестор-История, 2013. С. 40–46.

19. *Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000 (БТСРЯ). 156 с.
20. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М. : Русский язык, 2000 (НСРЯ).
21. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985–1988 (МАС).
22. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М. : [б. и.], 1997 (ТСОШ).
23. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : ИДДК, 2003. 1 эл. опт. диск (CD-ROM) (ТСУ).
24. *Цейтлин С.Н.* Онтолингвистика в пути // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2018. № 189. С. 12–22.
25. *Гридина Т.А.* Объяснительный словарь детских инноваций. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2012.
26. *Ляпон М.В.* Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность : сб. ст. / ред. Ю.С. Степанов, Е.А. Земская, А.М. Молдован. М. : Ин-т РЯ РАН, 1995. С. 260–276.
27. *Носков С.* Гнев может послужить отличным топливом. URL: https://http://www.furfur.me/furfur/freedom/freedom/217913-sm-fem?full_name=&uid=249849755&provider=vkontakte&zzz=1 (дата обращения: 15.01.2020).
28. *Феминизатор слов.* URL: <http://feminism-russia.ru/feminizator/> (дата обращения: 15.01.2020).
29. *Тмур А.* Феминитивы. Интервью с Максимом Кронгаузом. URL: <https://tass.ru/lyudi-i-veschi/6820376> (дата обращения: 15.01.2020).
30. *Дмитриев С.* Филолог Валерий Ефремов о феминитивах: «Язык так же ленив, как и люди». URL: <http://www.rfi.fr/ru/rossiya/20190307-filolog-valerii-efremov-o-feminitivakh-yazyk-tak-zhe-leniv-kak-i-lyudi> (дата обращения: 15.01.2020).
31. *Перова А.* Автор vs Авторка. Почему для феминитивов не настало время. Комментарий О. Зуевой. URL: <http://5k.kyky.org/places/avtor-vs-avtorka-pochemu-dlya-feminitivov-ne-nastalo-vremya> (дата обращения: 15.01.2020).
32. *Сальников А.* Петровы в grippe и вокруг него. М. : АСТ, 2018. 461 с.
33. *Doroszewski W.* Słownik języka polskiego. T. I–XI. Warszawa, 1958–1969. URL: <http://www.sjpd.pwn.pl> (дата обращения: 15.01.2020).
34. *Добровольский Д.О., Уразбекова А.А.* О семантических различиях между польскими и русскими лексическими единицами, происходящими из одного источника (*lekcja* vs. *лекция*: к вопросу о культурной специфичности) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 210–224. DOI: 10.17223/18137083/71/17
35. Национальный корпус русского языка. URL: <http://feminism-russia.ru/feminizator/> (дата обращения: 15.01.2020).
36. Проза.ру. URL: <http://proza.ru> (дата обращения: 15.01.2020).

Marina A. Lappo, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: marine.lappo@yandex.ru

Natalia I. Malinovskaya, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: 2975995dcn@rambler.ru

Keywords: lexicography, database, active type dictionary, femininity, gender linguistics, language and speech, pragmatics, semantics.

This study analyzes the experience of compiling a new type of dictionaries – electronic lexicographic databases on the basis of the corpus of common and occasional femininities (feminine-gendered words) in the speech of modern native Russian language speakers. The theoretical basis of the work is the idea of the integral nature of the lexical meaning (G.N. Sklyarevskaya). The material was taken from the traditional explanatory dictionaries of the Russian language, the Russian National Corpus, the Pragmatically Marked Vocabulary of the Russian Language database, the *Explanatory Dictionary of Children's Innovations* by T.A. Gridina, and media materials. The database of common and occasional femininities is an extension of the Pragmatically Marked Vocabulary of the Russian Language database (<http://spml.ipmip.nspu.ru>). The key principle of this database is the synthesis of the Russian lexicographic traditions (a clear zonal division of the dictionary entry) and the detailed fixation of such pragmatic zones of lexical meaning as emotional evaluation, ideological, gender, age, social status, national and cultural components. The analysis of the specifics of the lexicographic interpretation of a group of words with the meaning of femininity in the dynamic and semantic-pragmatic aspects makes it possible to clarify some parameters of this database in relation to the corresponding thematic fragment of the dictionary. Thus, it has been established that the thematic group of femininities that designate the sphere of activity of a female person is characterized by active development both due to the appearance of new lexemes and neoderivation, and due to dynamic processes in the sphere of their semantics. Native speakers, when using femininities more freely than when using words from other thematic groups, load them with a wide variety of emotive and evaluative meanings (from neutral or approving to sharply derogatory meanings), attribute polar rules for their application (from “must use” to “completely refuse”). Lexicographic studies have shown that traditional explanatory dictionaries also inconsistently reflect the names of female persons in general or individual components of their lexical meanings. The above said makes it necessary to create a special database of common and occasional femininities, which can solve the problem of fixing the pragmatic zone of the lexical meaning of the word, serve as a model in the lexicographic consolidation of the words of other thematic groups with moving and polar connotations. This article argues that in relation to the thematic group of femininities, indicating the field of activity of a female person, such parameters of lexicographic fixation should be used as the fact of fixation in traditional dictionaries, the presence of lexical-semantic variants of the word, the denotative and connotative zone of the lexical meaning, the connotative markers of actualization of components and/or methods of their neutralization, the stylistic scope of the unit, the presence of derivational and other variants.

References

1. Novosibirsk State Pedagogical University. (2020) *Baza dannyykh pragmaticheskoi markirovannoy leksiki* [Database of pragmatically labeled vocabulary]. [Online] Available from: <http://spml.ipmip.nspu.ru/>. (Accessed: 15.01.2020).
2. Sklyarevskaya, G.N. (1997) K voprosu o pragmaticheskoy informatsii v tolkovom slovare: vozmozhny li pragmaticheskie pomety? [On the pragmatic information in an explanatory dictionary: are pragmatic labels possible?]. In: *Lingvisticheskaya pragmatika v slovare* [Linguistic pragmatics in the dictionary]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS. pp. 6–13.
3. Apresyan, Yu.D. (2014) Ob Aktivnom slovare russkogo yazyka [About the Active Dictionary of the Russian Language]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Aktivnyy slovar' russkogo yazyka* [The Active Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 5–36.
4. Basalaeva, E.G. (2016) The Pragmatic Component and Ways of Its Semantization in the Electronic Database. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6. pp. 112–125. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1606.09
5. Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2016) A Database of Pragmatically Marked Lexical Items of the Russian Language: The Content, Principles of Description, and Possibility of Using. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6. pp. 70–85. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1606.06
6. Mishankina, N.A. & Rozhneva, Zh.A. (2019) The database of Russian metaphorical terminology: a term description model. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 441. pp. 34–43. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/441/5
7. Puritskaya, E.V. & Pankov, D.I. (2018) The lexicon of the modern Russian language: describing normative and stylistic characteristics in the dictionary database. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 13. pp. 23–43. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/13/2
8. Kochergina, K.S. (2019) Linguistic database of negative evaluative lexis: concept, structure, content. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 446. pp. 29–40. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/446/4
9. Zoltner, O.V. & Gornostaeva, D.S. (2019) Neytralizatsiya konnotatsiy feminativov v sovremennom feministskom diskurse (na materiale sotsial'noy seti "Instagram") [Neutralization of the connotations of feminatives in modern feminist discourse (based on the social network Instagram)]. In: Yashchuk, T.F. (ed.) *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya* [Youth of the third millennium]. Omsk: Omsk State University. pp. 970–975.
10. Soltys, V.K. (2019) Graficheskie sposoby vyrazheniya gendernoy prinadlezhnosti v russkoyazychnoy blogosfere [Graphic ways of expressing gender identity in the Russian-language blogosphere]. In: Dolzhikova, A.V. & Barabash, V.V. (eds) *Yazyk i rech' v Internetе: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura: sb.*

statey: v 2 t. [Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture: collection of articles: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: RUDN University. pp. 130–135.

11. Berkutova, V.V. (2019) Feminativy v russkom yazyke: lingvisticheskiy aspekt [Feminatives in Russian: the linguistic aspect]. *Filologicheskiy aspekt*. 1 (45). pp. 7–26.

12. Zalevskaya, A.A. (2016) [F. de Saussure and some problems of psycholinguistics]. *Theoretical and practical problems of language tools transformation in the context of the accelerated development of public relations*. Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the CXVIII International Research and Practice Conference and I stage of the Championship in Philology. London: IASHE. pp. 44–46. (In Russian).

13. Vinogradov, V.V. (2001) *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (A grammatical doctrine of the word)]. 4th ed. Moscow: Rus. yaz.

14. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

15. Chernyshyov, V.I. (ed.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the Modern Russian Standard Language: in 17 volumes]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

16. Lappo, M.A. (2016) The Structure of the Pragmatic Macrocomponent of Meaning (With the Main Focus on Words Denoting Nationality). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6. pp. 186–200. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1606.15

17. Ermakova, O.P. (2019) Where Daughter and Widow Are Hidden? *Russkaya rech'*. 6. pp. 73–81. (In Russian). DOI: 10.31857/S013161170007626-7

18. Efremov, V.A. (2013) Slovoobrazovatel'nye gendernye asimmetrii v slovare V.I. Dal'ya [Derivative gender asymmetries in V.I. Dahl's dictionary]. In: Zakharov, V.P. & Priemysheva, M.N. (eds) *Leksikologiya. Leksikografiya i korpusnaya lingvistika* [Lexicology. Lexicography and corpus linguistics]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 40–46.

19. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.

20. Efremova, T.V. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New dictionary of the Russian language: Explanatory and word-formation]. Moscow: Russkiy yazyk,

21. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk.

22. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (eds) (1997) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeol. vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological units. expressions]. 4th ed. Moscow: ITI Tekhnologii.

23. Ushakov, D.N. (ed.) (2003) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow: IDDK.

24. Tseytlin, S.N. (2018) Ontolinguistics in Process. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 189. pp. 12–22.

25. Gridina, T.A. (2012) *Ob 'yasnitel'nyy slovar' detskikh innovatsiy* [Explanatory Dictionary of Children's Innovation]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
26. Lyapon, M.V. (1995) Yazykovaya lichnost': poisk dominanty [Language personality: search for a dominant]. In: Stepanov, Yu.S., Zemskaya, E.A. & Moldovan, A.M. (eds) *Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost'* [Language – system. Language – text. Language – ability]. Moscow: Institute of the Russian Language RAS. pp. 260–276.
27. Noskov, S. (2016) *Gnev mozhet posluzhit' otlichnym toplivom* [Anger can serve as an excellent fuel]. [Online] Available from: http://www.furfur.me/furfur/freedom/freedom/217913-sm-fem?full_name=&uid=249849755&provider=vkontakte&zzz=1. (Accessed: 15.01.2020).
28. Feminism-russia.ru. (2020) *Feminizator slov* [Word feminizer]. [Online] Available from: <http://feminism-russia.ru/feminizator/>. (Accessed: 15.01.2020).
29. Tmur, A. (2018) *Feminitivy. Interv'yu s Maksimom Krongauzom* [Feminitives. Interview with Maxim Krongauz]. [Online] Available from: <https://tass.ru/lyudi-i-veschi/6820376>. (Accessed: 15.01.2020).
30. Dmitriev, S. (2019) *Filolog Valeriy Efremov o feminitivakh*: “Yazyk tak zhe leniv, kak i lyudi” [Philologist Valery Efremov on feminitives: “Language is as lazy as people”]. [Online] Available from: <http://www.rfi.fr/ru/rossiya/20190307-filolog-valerii-efremov-o-feminitivakh-yazyk-tak-zhe-leniv-kak-i-lyudi>. (Accessed: 15.01.2020).
31. Perova, A. (2016) *Avtor vs Avtorka. Pochemu dlya feminitivov ne nastalo vremya. Kommentariy O. Zuevoy* [Avtor vs Avtorka. Why the time has not come for feminitives. Commentary by O. Zueva]. [Online] Available from: <http://5k.kyky.org/places/avtor-vs-avtorka-pochemu-dlya-feminitivov-ne-nastalo-vremya>. (Accessed: 15.01.2020).
32. Sal'nikov, A. (2018) *Petrovy v grippe i vokrug nego* [The Petrovs in and around the flu]. Moscow: AST.
33. Doroszewski, W. (1958–1969) *Słownik języka polskiego*. T. I–XI. [Online] Available from: <http://www.sjpd.pwn.pl>. (Accessed: 15.01.2020).
34. Dobvol'skiy, D.O. & Urazbekova, A.A. (2020) Semantic Differences Between Polish and Russian Lexical Units Originating From the Same Source (Lekcja vs Leksiya: On Cultural Specificity). *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 210–224. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/71/17
35. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <http://feminism-russia.ru/feminizator/>. (Accessed: 15.01.2020).
36. *Proza.ru*. [Online] Available from: <http://proza.ru>. (Accessed: 15.01.2020).